

Стратегическая нестабильность

В контексте сетевых практик постиндустриального общества

Николай БУЗИН,
начальник НИИ
Вооруженных Сил
Республики Беларусь

Николай ЛЕВЧУК,
научный сотрудник НИИ
Вооруженных Сил
Республики Беларусь

Надо перестать думать, что война – это когда воюют, а мир – когда не воюют. Имя третьей мировой – мятеж, предупреждал еще в середине прошлого века проницательный военный ученый Е.Э. Месснер. В постиндустриальном обществе военные конфликты нового типа стали неотъемлемой частью реализации дестабилизационных стратегий, а массовое сознание превратилось в особый «театр военных действий», интегрированный в сетевую структуру коммуникационного пространства. В итоге стратегические цели войны могут достигаться невоенными средствами: еще в древности китайский полководец Сунь Цзы говорил, что тот, кто умеет вести войну, покоряет чужую армию, не сражаясь. Но это лишь повышает роль вооруженных сил в современном государстве: нынешний мир живет под знаком стратегической нестабильности, что означает сохранение неизменно высокого уровня глобальной военной опасности в обозримой перспективе.

Если бы еще несколько месяцев назад кто-то сказал, что столицу благополучной Швеции захлестнут массовые беспорядки, его бы сочли безумцем. Однако реальностью стало то, что раньше едва ли можно было даже предположить. Когда шведские журналисты спросили молодых участников майских беспорядков, зачем они это делают, те ответили, что молодым людям просто скучно и нечем заняться вечерами. Уже не важен и повод трагических событий: главное, как заметили те же журналисты, раньше молодые люди погромы не устраивали, даже если очень скучали. Пострадала не только Швеция, в мае прошла череда массовых волнений по всей Европе – от Лондона до Берна. Современные информационные технологии сделали мир, живущий под знаком глобальной нестабильности, чрезвычайно тесным для масс людей, у которых социальная и религиозная нетерпимость способны моментально сфокусироваться в смысл жизни, превратив разрушение в ритуальный танец безумствующей толпы. «Европейская вес-

на – 2013» показала миру, что в свете всевидящего ока веб-камер и карманных коммуникаторов он гораздо более прозрачен, чем можно было предположить. Все увидели, что в век всепроникающих информационных технологий даже спокойствие, основанное на сытом благополучии, бывает необычайно зыбким, а остановить беспредел может только сильное государство.

Твиттерная революция

С разрушением биполярного мироустройства апологеты фукуямовского «конца истории» [1] замерли в ожидании окончательной победы либеральной демократии западного образца, означающей окончание социокультурной истории человечества. Однако вместо предсказанной Ф. Фукуямой эры либерализма без идеологических противостояний, глобальных революций и войн мы наблюдаем прямо противоположное явление, которое русский философ А.С. Панарин назвал стратегической неста-

бильностью XXI века [2]. Иными словами, идеология глобализации сама же столкнулась с глобальными противоречиями, которые не вписываются в рамки либерального догматизма [3, с. 3].

Как и волнения в Европе, события в арабских странах, начавшиеся в январе 2011 года выступлениями в Тунисе и перекинувшиеся на Египет, Йемен, Ливию, Алжир, Иорданию, Судан, Бахрейн, Сирию, являются беспрецедентными в истории Ближнего Востока и Азии. Значительная часть региона, включающего территорию государств с мусульманским населением – от Марокко до Пакистана и от Казахстана до острова Маврикий в Индийском океане, в последнее время в той или иной степени была подвержена массовым протестам политического характера.

Весьма показательным стало военное вторжение в 2011 году коалиции государств под эгидой НАТО в Ливию, закончившееся при активном участии оппозиционных сил трансформацией ее политического строя. Вероятно, следующая в «листе ожидания» – Сирия: финансовая и организационная поддержка западным сообществом выступлений незаконных вооруженных формирований в этой стране свидетельствует о том, что дестабилизационная стратегия по-прежнему остается главным инструментом достижения геополитических целей.

Утвержденный в начале прошлого года документ под названием «Поддержание гло-

◀◀ Сирия. 2012 год

бального лидерства США: приоритеты обороны XXI века» – новая военная стратегия Соединенных Штатов – предполагает перенос центра тяжести глобальной американской стратегии в Азиатско-Тихоокеанский регион, что следует считать маркером продвижения стратегической нестабильности.

ОБ АВТОРАХ

БУЗИН Николай Евгеньевич.

Родился в 1971 году в г. Лиде Гродненской области.

Окончил Минское суворовское военное училище (1988), Харьковское гвардейское высшее танковое командное училище (1992), командно-штабной факультет Военной академии Республики Беларусь (2001), Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (2010). С 1992 года проходил службу в Вооруженных Силах Республики Беларусь на командных должностях, в Военной академии – в должности старшего преподавателя (2004), начальника кафедры оперативного искусства (2007). С 2010 года – начальник НИИ Вооруженных Сил, полковник.

Доктор военных наук (2010), доцент (2008).

Автор 4 монографий и более 100 научных публикаций.

Сфера научных интересов: конфликтология, теория оперативного искусства, военная социология, военная педагогика, теория коммуникации.

ЛЕВЧУК Николай Николаевич.

Родился в 1973 году в г. Бресте.

Окончил Минское суворовское военное училище (1990), факультет журналистики Белорусского государственного университета (1995). С 1996 года работал корреспондентом, с 2008 – начальником отдела идеологической работы газеты «Во славу Родины», с 2009 года – начальником отдела зарубежной военной информации военного информационного агентства Вооруженных Сил Республики Беларусь «Ваяр». С 2012 года – научный сотрудник НИИ Вооруженных Сил Республики Беларусь, подполковник.

Автор 5 научных публикаций.

Сфера научных интересов: теория коммуникации, семиотика, геополитика, конфликтология.

Парадокс состоит в том, что наиболее «хорошо устроившиеся» и сильные в экономическом и военном смысле государства, объективно более всего заинтересованные в стабильном существовании, сами же становятся инициаторами подрыва системы статус-кво. По-видимому, принимая во внимание разрушение двухполюсной системы сдержек и противовесов, они надеются на еще большие шансы. Представители западного политического сообщества сами же рефлексируют по данному поводу. Так, бывший министр иностранных дел Германии Й. Фишер отметил недавно в американском издании Project Syndicate: «Все мы склонны делать одну и ту же ошибку раз за разом: с началом революции мы предполагаем, что справедливость и свобода одержали верх над диктатурой и жестокостью. Однако история учит нас, что за этим, как правило, не следует ничего хорошего» [4].

На данном фоне стратегическая нестабильность представляется явлением, отражающим произошедшее изменение сущности войны и вооруженной борьбы, смысл которого в возрастании роли небоевых факторов в достижении военных целей. Новейшая коммуникативная (твиттерная) революция актуализировала новые медийные платформы в качестве ключевого инструмента реализации дестабилизационных стратегий, которые следует рассматривать в контексте сетевых практик постиндустриального общества.

Качественное изменение модели функционирования информационного пространства, приобретающего ярко выраженный сетевой характер, в постиндустриальном обществе неразрывно связано с обострением геополитической конкуренции и борьбы за природные ресурсы [5]. Активное использование информационно-коммуникативных технологий в качестве инструмента такой конкуренции стало одним из онтологических признаков постиндустриального (информационного) общества. Геополитические возможности в региональном и глобальном соперничестве сегодня определяются не только размерами и расположением территории, богатством природных ресурсов, количеством населения. На современном этапе экономические, научно-технические, военные, коммуникационные возможности страны во все большей степени зависят от ее сово-

купного информационного ресурса, уровня развития информационной инфраструктуры и информационно-психологической защищенности. Глобальное соперничество в экономической, научно-технической, социокультурной и военной областях все больше концентрируется в сфере управления информационными процессами [6].

Войны шестого поколения

Подчеркнем, что современные средства массовой информации по результативности воздействия стали фактически инструментом массового психологического подавления и даже поражения. Информационно-психологическое воздействие способно не только обеспечить успех в вооруженном противоборстве, но и во многих ситуациях достичь сопоставимого результата без применения вооруженного насилия. Более того, сами военные действия запускают механизм управления массовыми информационными процессами, играя роль информационного повода в ходе реализации коммуникативной стратегии дестабилизации.

Ее составляющими являются политическая, экономическая, информационная и другие виды невооруженной борьбы, которые, в сущности, эквивалентны широкому использованию насильственных средств (кроме боевых) как в мирное время, так и на всех этапах возникновения и развития конфликтных ситуаций. Именно выведение насильственных средств за рамки войны (в традиционном ее понимании) послужило основанием и основной причиной попыток пересмотра сущности и содержания современной войны: мощное экономическое, политическое, дипломатическое, информационное давление в сочетании с угрозой применения военной силы, ставшее инструментом стратегической нестабильности, многими авторами отождествляется с войной.

Для ответа на вопрос, правомерно ли такое отождествление, необходимо уточнить существующую линейку эскалации противоборства между субъектами политических отношений и выделение особой стадии (степени), характеризующей резкое обострение конфликта между субъектами политики. Такое обострение, характеризующееся резким возрастанием остроты всех видов борьбы (кроме вооруженной) до уровня, соответ-

ствующего военному конфликту, а также военного противостояния, очень схоже с состоянием войны. Отличие только в одном – в отсутствии вооруженной борьбы. Другими словами, это – как бы война (квазивойна), но без ведения вооруженной борьбы [7]. Таким образом, сущность квазивойны можно сформулировать словами Клаузевица как столкновение крупных интересов [8, с. 118], но с уточнением его же другой формулировки – продолжение политики средствами невооруженного насилия.

В линейке эскалации противоборства между субъектами политических отношений квазивойна занимает место между конфликтом и военным конфликтом, а в целом они являются производными естественного соперничества. Причем под квазивойной подразумеваются политический, экономический, информационный, психологический виды борьбы [9], которые в рамках технологий постиндустриального общества объединяет сетевой характер средств и способов действий.

Поводом для нагнетания напряженности и оправдания последующего применения военной силы, как правило, являются сообщения о жертвах среди мирного населения. Эта модель дестабилизации, опробованная в свое время в Югославии, широко применяется в настоящее время в Сирии [10]. Обвинения друг друга властями и мятежниками в организации расправ над мирными гражданами – часть ведущейся информационно-психологической войны. Однако знакомый еще по Югославии почерк выдает организаторов кровавых провокаций, заинтересованных в военном вмешательстве в ситуацию в Сирии извне. Каковы задачи такого вмешательства?

В рамках войн нового (шестого) поколения произошла трансформация сущности вооруженной борьбы, которая заключается в том, что целью военного конфликта становится не завоевание территории противоборствующей стороны, а разгром «бесконтактным» способом с применением высокоточных средств поражения экономического потенциала любого государства, на любом удалении от противника [11, с. 34]. В числе первоочередных целей таких ударов – и военные объекты. В Ливии воздушная наступательная операция стала основным элементом в стратегии коалиционных сил НАТО. За счет технологического

▲ Ливия. 2011 год

превосходства коалиционные войска дезорганизовали систему ПВО Ливии и завоевали господство в воздухе [12, с. 63], что в итоге предопределило исход ливийских событий.

Военные конфликты нового типа стали неотъемлемой частью реализации дестабилизационных стратегий, для обозначения сущности которых Е.Э. Месснер в середине прошлого века предложил понятие мятежевойны [13, с. 561], которое позволяет рассматривать современные дестабилизационные стратегии как форму противоборства, при которой общественное сознание стало особым театром военных действий, интегрированным в сетевую структуру информационного пространства [14, с. 24]. Концепция мятежевойны в контексте новейшей коммуникативной (твиттерной) революции выявляет сетевой характер управления массовыми информационными процессами: знаковое шокирующее событие включает сеть, характер функционирования которой позволяет запустить дестабилизационные процессы.

Обострение глобальной конкуренции поставило вопрос достижения определенного уровня управляемости информационными процессами в рамках сетевых технологий. По мнению А.-Л. Барабаши, который проводит свои исследования по заказу Пентагона, любой сложной самоорганизующейся безмасштабной сетью

можно управлять, причем инструменты воздействия на сеть зависят от ее структуры: чем более однородной является сеть, тем легче ею управлять. Управление сетью осуществляется с помощью драйверов – особых сетевых коммуникаторов, способных наладить каналы информационного обмена между замкнутыми социальными группами и при этом выступить в роли интерпретаторов событий. Драйвером является некоторое множество узлов сети, воздействие на которые способно привести ее в заданное состояние, причем существуют практические алгоритмы выделения таких драйверов. В результате их воздействия в рамках социума при достижении пороговой границы примерно в 10 % убежденных сторонников какой-либо идеи возникает лавинообразный процесс завоевания этой идеей умов большинства членов социума.

Сетевое общество

Согласно исследованиям А.-Л. Барабаша, важнейшее свойство сетевых структур – их невероятная стойкость, предопределившая выживаемость в ходе эволюционного развития. Это свойство компенсируется склонностью к распространению вирусов как биологических, так и информационных (включая медиавирусы). То есть принцип вируса является одним из базовых элементов, характеризующих сетевые взаимосвязи. Унифицированная модель управления сетью заключается в том, что минимальное пороговое число драйверов (управляющих воздействий) переводит сеть из начального состояния А в целевое состояние Б [15].

Таким образом, стратегическая нестабильность XXI века представляется, в первую очередь, социальным феноменом «сетевого общества», само обозначение которого впервые появилось в названии работы голландского исследователя Я. ван Дайка в 1991 году. Ученый выявил существенные отличия непосредственных коммуникативных актов «лицом к лицу» от информационной коммуникации между индивидами на огромном расстоянии, зафиксировав «расширение» социального пространства в результате такой коммуникации [16]. Этот феномен представляется одним из проявлений эффекта коммуникативного резонанса в рамках сетевых технологий, на основе ко-

торого происходит превращение виртуального сообщества в реальную толпу, готовую грабить магазины или штурмовать парламент. В ходе революционных действий ее поведение представляют собой большой политический спектакль, поставленный с применением специальных технических и художественных средств, рассчитанных на широкую аудиторию. Причем наиболее сильное воздействие он оказывает на сознание вовлеченных в толпу людей.

Новейшие коммуникативные сетевые технологии в данном случае позволяют целенаправленно создавать ситуации, соответствующие дестабилизационным задачам толпы. Это означает, во-первых, активизацию достаточной массы людей, их концентрацию в нужных точках городского пространства, удержание их в нужных местах в течение необходимого времени и такую обработку их сознания, чтобы толпа по сигналам режиссеров точно выполняла именно те операции, которые требуются по сценарию. В ходе «оранжевой» революции украинская интернет-аудитория составила те самые примерно 10 % всего совершеннолетнего населения [17, с. 76], которые позволили завоевать умы существенной части социума.

Сетевому сообществу удалось внести решающий вклад в разогревание дестабилизирующих событий в ходе всех «цветных» революций нынешнего столетия, прежде всего, благодаря оперативности их освещения. Сетевая коммуникативная структура превратилась в тип мышления и способ жизни индивидумов [18]. Применение по отношению к ним формализованных критериев «неизбежных перемен», когда употребляется, например, такое понятие, как «индекс падающих государств» [19], выступает в качестве идеологического инструмента дестабилизации. Как показывает опыт, такие «перемены» подготавливаются, в первую очередь, в рамках технологий сетевого управления на основе принципов, которые систематизировал А.-Л. Барабаша.

Повышенный интерес Пентагона к практике сетевого управления в рамках его исследований свидетельствует о роли такого управления в качестве инструмента стратегической нестабильности. Это означает, что система насаждения управляемых кризисов превращается в нынешнем столетии в глобальную сетевую практику, когда

дестабилизации может быть подвергнута любая даже наиболее благополучная социальная система.

Как видим, сетевые практики постиндустриального общества [20] превратились в инструмент глобальных геополитических трансформаций [21]. Это предполагает радикальное повышение статуса информации и в обеспечении боевых действий в ходе локальных конфликтов, а сами боевые действия становятся информационным поводом и ключевой идеей коммуникативной стратегии устрашения, дестабилизации социума. При этом надо подчеркнуть, что с точки зрения военной науки в международно-правовом контексте расширенное толкование понятия войны необоснованно, поскольку война становится перманентным явлением без начала и конца [9].

Вместе с тем такое толкование применимо, на наш взгляд, в социально-политическом контексте, в котором обобщающее понятие стратегической нестабильности отражает процесс глобальной игры, в которой участвуют две стороны – сильная и слабая, ведущие себя по-своему неадекватно. Неадекватность сильной состоит в безрассудной завышенности ее притязаний, наращиваемых в духе концепции «отодвигаемых рубежей»: падение одного провоцирует на взятие следующего, и так – до роковой черты. Неадекватность поведения слабой – в ее неготовности вовремя взглянуть в лицо реальности, создаваемой авантюризмом силы. Слабая игнорирует очевидность вызова, всячески убаюкивая себя мыслью, будто ничего страшного и вызывающего не произошло, и главное в том, чтобы всеми силами умиротворить агрессора. Но чем более уступчивыми в этой игре показывают себя слабые, тем больше это провоцирует сильного, убеждающего себя в том, что для него нет ничего невозможного [2, с. 7]. Это указывает на неизменно высокий уровень глобальной военной опасности, который будет сохраняться в долгосрочной перспективе. То есть государство, неспособное эффективно организовать защиту своих национальных интересов, обеспечить независимость, территориальную целостность, суверенитет и неизбежность конституционного строя, либо обречено на полное исчезновение с политической карты, либо, оставаясь единым целым в

географическом смысле, неминуемо теряет даже малейшие признаки своей самостоятельности и цивилизационной идентичности [22]. Философское осмысление стратегической нестабильности XXI века задает контекстные параметры строительства вооруженных сил любого суверенного государства, стремящегося к обеспечению своей самостоятельности и независимости. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2010. – 588 с.
2. Панарин, А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А.С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2003. – 560 с.
3. Слука, А.Г. Нацыянальная ідэя: сістэмны аналіз праблемы / А.Г. Слука. – Мінск, 2001. – 428 с.
4. Фишер, Й. Проверка арабской революции реальностью / Й. Фишер // Inosmi.ru [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/asia/20130303/206549908.html>. – Дата доступа: 4.03.2013.
5. Коледа, А.Н. Трансформация форм и способов применения войск в современных условиях / А.Н. Коледа, М.Р. Крипиневиц, О.Н. Любочко // Наука и военная безопасность. – 2006. – № 1. – С. 14–17.
6. Сулимов, В.Н. Ретроспектива развития способов ведения информационного противоборства в военных конфликтах / В.Н. Сулимов, П.Н. Муравейко // Наука и военная безопасность. – 2008. – № 4. – С. 3–10.
7. Козлов, В.С., Прозоров, В.В. Особенности агрессивных действий в современных условиях / В.С. Козлов, В.В. Прозоров. – Минск: ГУ «НИИ ВС РБ», 2008. – 178 с.
8. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц; пер. с нем. – М.: Эксмо; Спб.: Мидгард, 2007. – 864 с.
9. Бузин, Н.Е. Еще раз о сущности войны / Н.Е. Бузин // Наука и военная безопасность. – 2012. – № 2. – С. 2–6.
10. Власть Сирии: резню в Эль-Хоуле устроили боевики // Vesti.ru [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=809419>. – Дата доступа: 27.02.2013.
11. Слипченко, В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего / В.И. Слипченко. – М.: Вече, 2002. – 384 с.
12. Военный конфликт в Ливии (2011 год): Информационно-аналитический сборник / авт. сост.: Н.Е. Бузин [и др.]; под ред. Н.Е. Бузина. – Минск: ГУ «НИИ ВС РБ», 2011. – 68 с.
13. Месснер, Е. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера / Е. Месснер. – М.: Военный университет, Русский путь, 2005. – 696 с.
14. Лисичкин, В.А. Война после войны: информационная оккупация продолжается / В.А. Лисичкин, Л.А. Шелепин. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2005. – 416 с.
15. Barabási, A.-L. Linked: How Everything Is Connected to Everything Else and What It Means / A.-L. Barabási. – NY: Plume, 2003. – 304 p.
16. Dijk, Jan A.G.M. van. The Network Society: Social Aspects of New Media / Jan A.G.M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications Ltd, 2005. – 304 p.
17. Кара-Мурза, С. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... / С. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2005. – 528 с.
18. Castells, M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society (Clarendon Lectures in Management Studies) / M. Castells. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 304 p.
19. Patrick, S. Weak Links: Fragile States, Global Theaters, and International Security / S. Patrick. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 352 p.
20. Буряк, В. Глобальное гражданское общество & сетевые революции / В. Буряк. – Симферополь: ДИАИПИ, 2011. – 152 с.
21. Макаров, В.М. Методология дестабилизации социума: технологии «бархатных» революций и проблемы противодействия деструктивным акциям / В.М. Макаров // Наука и военная безопасность. – 2006. – № 2. – С. 3–6.
22. Гура, А.Н. Основа обороны страны / А.Н. Гура // Беларуская думка. – 2012. – № 10. – С. 3–10.